

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

К.С. Родин

Фигура отца в жизни сына

Аннотация. *Институт отцовства постоянно трансформируется вслед за социокультурными изменениями. И сейчас мы являемся свидетелями того, как традиционные патриархальные принципы видоизменяются под воздействием матриархальных, что отражается не только на изменениях в обществе, но и приводит к переосмыслению гендерных ролей. Современный мужчина обусловлен внутренними противоречиями, что создает нестабильность его положения. Рассматривая отношения отца и сына, демонстрируется не только несостоятельность традиционной модели воспитания, но так же открывается и более глубокое значение отцовской фигуры.*

Выбирая в качестве отправной точки миф и сопоставляя полученные данные с историческими и культурными изменениями, прослеживается закономерность в формировании образа отца, что позволяет выделить устойчивые аспекты отцовства, влияющие на психику ребенка. Полученные данные подкрепляются клиническим материалом.

Сложность во взаимоотношениях отца и сына иллюстрируют драматизм традиционной модели воспитания, корнящейся в глубинах нашего бессознательного. Многогранность исследования раскрывает важность не только реального отца в жизни сына, но и символического, не зависящего от пола. Рассматривая личность в отдельности, а вслед за этим институт семьи и общества, автор демонстрирует постоянную борьбу архетипов, продуктивная деятельность которых возможна лишь в состоянии равновесия.

Ключевые слова: *отец, мать, сын, миф, архетип, семья, общество, психоанализ, педагогика, культура.*

*Ужасная судьба отца и сына
Жить розно и в разлуке умереть.
(М.Ю. Лермонтов)*

Институт семьи постоянно трансформируется вслед за социокультурными изменениями общества, что приводит к изменению гендерных ролей, но для ребенка функция семьи остается неизменной: это среда, в которой складываются условия его физического, психического, эмоционального и интеллектуального развития. Зигмунд Фрейд на примере Эдипова комплекса хорошо показал, что мать и отец – самые главные и незаменимые люди в жизни любого человека: именно они за-

кладывают фундамент будущей жизни ребенка. Вопросы влияния семьи на развитие личности ребенка становятся все более актуальными, но большее внимание уделено фигуре матери. Отец же практически не упоминается. Его фигура воспринимается, как социальный конструкт. Одна из причин формирования такой оценки – это распространенная установка, что мужчина не предназначен для воспитания ребенка¹. Тем не менее,

¹ Кочубей Б.И. Мужчина и ребенок. М.: Знание, 1990.

эта проблема становится все более актуальной для сегодняшнего общества. Влияние отца в современных исследованиях в основном рассматривается по диаде «отец-ребенок», что ограничивает видение всей картины. К.Г. Юнг показывает, что человек по своей природе андрогинен². Для формирования полноценной психической структуры необходимо гармоничное взаимодействие мужского и женского начала. Семья – это не только укрытие, но также и место, где мы учимся жизни. Часто в наших семьях можно видеть отсутствие отца. В таких ситуациях матери приходится брать на себя двойную роль, чтобы компенсировать недостаток отцовских качеств. Это не самый здоровый вариант. Нехватка или избыток одного из архетипов (мужского или женского) в воспитании может привести к негативным последствиям в будущем: диффузность идентичности, в том числе половой и полоролевой, эмоциональное неблагополучие, антисоциальное поведение. Как будущим мужчинам выполнять отцовскую роль, если они не видели этой модели, а если и видели, то это, как правило, негативный образ или материнская интерпретация. Однако, несмотря на значимость реальных отношений с отцом, многочисленные теоретические предположения и клинические наблюдения позволяют сделать вывод о значимости «внутреннего отца», представленного в психике, его образа, формирующегося под воздействием различных условий³. Поэтому для более глубокого понимания функции и роли отца в жизни ребенка необходимо проследить историческое, психологическое и культурное формирование фигуры отца в сравнении с фигурой матери. Ибо милосердие матери без строгости отца не имеет силы.

Формирование фигуры отца.

В нашей культуре не характерно внешнее проявление теплых чувств по диаде отец – сын. Как правило, в таких отношениях превалирует дистанционность, отчужденность, безучастность, холодность. Чаще всего любовь проявляется в материальном обеспечении, а все воспитание сводится к преобладанию порицания над пох-

валой. Традиционная патриархальная модель семьи сходит на нет. Мужчины не знают, как быть отцами. Так же, как и не знали их отцы, если они не отсутствовали вовсе. Происходит искаженное понимание модели отцовства, тянущееся через поколения. Для российского общества существует такой феномен, как «отсутствующий отец». На первый взгляд может показаться, что истоки такой модели поведения заключены в непросто́м прошлом нашей страны: политические репрессии, Великая Отечественная война. После войны тоталитарный режим не позволял реализовываться многим талантливым людям. В обществе царил атмосфера покорности и подчинения, что повлияло на падение мужского авторитета и роста алкоголизма среди мужского населения. В Советском Союзе всячески разрушалась роль семьи, что хорошо иллюстрируется пропагандой героического образа Павлика Морозова, сдавшего своего отца Красной армии.

В результате чего отсутствие отца для многих семей было чуть ли не нормой. Но необходимо иметь в виду, что в середине XX в. потеря отца происходила вследствие масштабных социально-экономических катаклизмов. В конце XX – начале XXI в. отцы покидают семью по собственной воле. Но даже в полных семьях может присутствовать феномен «потери отца», поскольку отец может быть полностью поглощен зарабатыванием денег, личными или же асоциальными увлечениями. Т.е. присутствуя в семье физически, мужчина может отсутствовать в жизни своего ребенка в качестве отца. Причины этого сложного явления связываются, как правило, с общим кризисом маскулинности, который с конца 1970-х гг. неизменно фиксируется в различных социальных исследованиях⁴. Сначала на западе, а потом и в СССР стали много говорить и писать о том, что традиционный мужской стиль поведения не соответствует современным реалиям. Конечно же, взгляды на данную проблему в то время имели полярные значения: одни авторы утверждали, что модель мужчины нуждается в переосмыслении, другие же авторы выступали консервативно, утверждая, что новые социальные требования уничтожают вековые эталоны маскулинности. Но в этих спорах не учитывается, что для каждого поколения существует

² Гуревич П.С. Психоанализ. Т. 2. Современная глубинная психология: учебник для магистров. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2013.

³ Калина О.Г., Холмогорова А.Б. Роль отца в психическом развитии ребенка. М.: Форум, 2011.

⁴ См.: http://journals.tsu.ru/vestnik/&journal_page=archive&id=881&article_id=1127.

свой идеал отца, зависящий от традиций, а образ «настоящего мужчины» всегда идеализировался и проецировался в прошлое. Так, например, философы и писатели классической Греции восхищались мужеством героев гомеровской эпохи. Поэтому можно говорить о том, что постоянного, статического, эталонного представления мужественности не существует: это лишь отражение современных взглядов общества.

Наше поколение предъявляет к мужчине ряд противоречащих друг другу требований. В задачи современного мужчины входят: выполнение роли надежного кормильца семьи, что включает в себя целеустремленность, успешность в карьере, профессиональную жесткость; роль любящего мужа и заботливого отца, что включает в себя чуткость, нежность, теплоту, эмпатию, глубину чувств, эмоциональную открытость. Тем не менее, современные реалии показывают, что новый образ мужчины, созданный обществом, не успевает за реальными изменениями. Такой набор противоречивых качеств крайне сложно уложить в одном человеке. Более того, фемининные черты в поведении мужчины стали приниматься совсем недавно, а патриархальный, строгий образ мужчины, корнями уходящий в далекое прошлое, все еще глубоко укоренен в бессознательном. И представим теперь, насколько противоречив внутренний мир современного мужчины: с одной стороны – необходимость соответствовать современным реалиям, с другой стороны – отсутствие мужского стресса, мягкотелость, с третьей – конкуренция с женщиной во многих жизненных аспектах, с четвертой – агрессивная гипермаскулинность. В связи с этим, данные проблемы можно рассматривать, как одни из причин мужского алкоголизма, наркомании, игромании, ранней смертности, суицидов и т.д., являющиеся отражением кризиса отцовства.

Современный американский писатель Чак Паланик в своем произведении «Бойцовский клуб» хорошо проиллюстрировал последствия феминистского движения и масштабы социально-экономических катаклизмов фразой главного героя книги: «Мы поколение мужчин, воспитанных женщинами». И ведь действительно, это проблема актуальна не только для России, но и для других крупных стран. Тем не менее, есть и другая сторона, оказывающая влияние не только на наше общество в целом, но и на гендерные роли по отдельности. Уже в 1970 году Эрих Фромм

предупреждал будущие поколения о возможных последствиях: «Изменения в сфере потребления создают новую перспективу. Если мы и дальше будем двигаться в направлении технологического прогресса, то дойдем до такой точки, где любое сиюминутное желание окажется выполнимым. Человеку не потребуется никаких усилий. В таких условиях техника обретает черты Великой матери, причем технической, а не природной, заботящейся о своих детях и убаюкивающей их нескончаемой колыбельной песней (в форме радио, телевидения и интернета). Постепенно в эмоциональном плане человек становится младенцем, думающим, что он находится в безопасности, так как он надеется, что в материнской груди всегда будет обилие молока и что никогда не нужно будет принимать индивидуальных решений»⁵. Как мы видим, в самом обществе наблюдается дисбаланс Инь (женского) и Ян (мужского). Телесное существование за счет растущего потребления ведет к самодеструктивности фигуры отца. Обществу нужна сила, неотделимая от ответственности, способная вернуть человеку утраченную реальность и зрелость.

Тем не менее, при всей культурно-исторической динамичности образа мужественности, остается открытым следующий вопрос: «Должны же быть постоянные неизменные внутренние черты, отличающие мужчину и женщину?» Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо начать с «самого сначала», сравнивая различные подходы друг к другу. В качестве отправной точки рассмотрим труд Иоганна Якоба Бахофена «Теория материнского права». В своей работе Бахофен рассматривает миф как кристаллизацию бессознательного опыта. С одной стороны миф многогранен, где каждая грань может нести свою, отличную от другой, смысловую нагрузку. Это хорошо иллюстрирует миф об Эдипе, по-разному трактующийся Фрейдом, Ранком и Фроммом. Но с другой, при всей своей внешней подвижности, миф подчинен своим законам и обладает прочными внутренними результатами, что позволяет рассматривать его как источник исторического знания.

Общий сценарий концепции Бахофена заключается в конфликте двух Великих сил, которые управляют всей человеческой жизнью: женской – в лице богини Исиды, плодородной Земли и

⁵ Фромм Э. Кризис психоанализа. Дзен-буддизм и психоанализ / Под ред. П.С. Гуревича. М.: Айрис-пресс, 2004.

мужской – Осирис, Нил, оплодотворяющая сила вод. Происхождение человечества заключено в материнском теле, которое сравнивается с Матерью-Землей. В это время главенствующее положение занимала «материя» и «физические законы» существования.

Детство человеческого рода разделено на две стадии. Гетеризм Афродиты – примитивная ступень, где преобладает открытый сексуальный промискуитет. Дети не признают отца, отцовская роль принижается лишь до участия в зачатии. Отсутствие каких-либо ограничений. Эту стадию можно назвать животным кочевничеством. Гинократия Деметры – вторая ступень. Этот этап характеризуется браком и сельским хозяйством. Сельское хозяйство стало моделью брака, а зерно и колос пшеницы стали священными символами материнства и его таинств. Женщина, ранее просто подражавшая Земле, отныне возвысилась до статуса Матери, именно благодаря союзу с мужчиной. Но мужчина все еще преклоняется перед высшим законом материи, которая зачинала и дарила жизнь. На протяжении всего этого периода религия играла основную роль. Именно в своей женской природе, из-за глубокого ощущения божественного присутствия, из-за своей способности дарить жизнь извлекается власть и сила женщины. Религиозная преданность помогала выживать женщине, особенно матери, в самые варварские времена. Можно сказать, что человечество вступило в эпоху полностью сложившего матриархата. Мать стала доминировать как над семьей, так и над государством. Но что же пошатнуло матриархальный строй?

Причину Бахофен нашел в растущем материнском давлении, что вызвало беспокойство мужчин. Чтобы как-то противостоять этому, им пришлось прибегать к своему физическому превосходству, дабы иметь возможность надругаться над женщиной, «смертельно изматывая их своей похотью». Но женщина нуждалась в более упорядоченной, размеренной жизни. Она хотела уважения своих прав и достоинств. Это находит свое отражение в мифах об амазонках, символизирующих бунт материнства. Что, по мнению Бахофена, заложило основу фазе Деметры, в которой амазонка отказалась от воинственной жизни и открыла для себя материнство в условиях замужней жизни? Это хорошо иллюстрируется символическим представлением о двойственности луны. Амазонки

видели в луне проявление зловещего характера, а на стадии Деметры полагали, что луна обладает смешанной, андрогинной природой. Союз Луны и Солнца символизировал брак. Далее в мифах фигурирует победа Диониса над амазонками, который пленил их своей соблазнительной силой. Также здесь необходимо отметить тот факт, что структура психики под действием «материнской» религии достигла того состояния, где ей необходимо было возвыситься над материей. Фромм дополняет и раскрывает эту мысль следующей идеей: «В качестве катализатора сыграли свою роль кровные узы. Когда человек нарушает кровное родство, не существует разумного, взвешенного отношения к мотивам, побудившим к свершению этого акта, справедлив он или нет. Преступника ждет только беспощадно жесткий приговор естественного закона возмездия. Это мы видим в мифе об Оресте: *«Орест, сын Агамемнона и Клитемнестры, мстит за убийство отца и убивает свою мать. Эринии (или фурии), древние богини-хранительницы материнства, оскорбленные, преследуют Орестея за его поступок. На его защиту выступают новые Боги победившего патриархата – Аполлон и Афина, вышедшая из головы Зевса, а не из материнского чрева»*.

Этот миф прекрасно иллюстрирует, как в поисках справедливости, истины и правды выступает рациональная сила, в которой происходит возвышение над материальной природой⁶.

Далее, если исходить из концепции Бахофена, мы видим укрепление отцовского начала в античной эпохе. Желая избавиться от всех связей с женщиной, афинская школа, прежде всего в лице Платона и Аристотеля, формулирует основные принципы патриархальной философии. В качестве доминирующей идеи выступает дуализм, где женщина представляет собой телесность, иррациональность, разрушительность природы, стихийность. Мужчина же, в свою очередь, является олицетворением рациональности, духовности, порядка, власти, силы. Женщина несовершенна, а мужчина, представляя собой разумное начало, является абсолютным благом. Бог-Отец обретает Имя в лице Зевса, который олицетворял порядок, авторитетность. Он же наказывал каждого, кто нарушит закон. В этой противоположности, в

⁶ Джоргуди Стелла. Антология. История женщин на Западе. В 5-и тт. Т. 1. От древних богинь до христианских святых. СПб.: Алетейя, 2005.

этом желании обрести полную независимость от матриархального общества фигура отца твердо обретает власть во всех институтах: семье, религии, обществе.

Эта установка, будучи сформулированной в античности, с успехом была усвоена и последующими эпохами. Эти черты отцовства характерны не только для западных стран, но так же для латинских, восточных и мусульманских. В Российской культуре, как следует из многочисленных источников, начиная с «Домостроя», позиция отца была патриархальной⁷. Дистанционность в воспитании хорошо иллюстрируется различными магическими обычаями, существовавшими на Руси. Например, символическая демонстрация мужских атрибутов как защита детей от злых духов: в Ярославской и Тульской губерниях новорожденных детей принимали в отцовские штаны, чтобы избавить их от возможной смерти; а на Гуцульщине в преддверии родов женщина надевала мужскую одежду, которую уже после родов использовала для пеленания младенца. Более того, до определенного возраста уход и воспитание ребенка было полностью в руках матери, старших дочерей и нянек⁸.

Так же существуют и другие версии формирования патриархата. Например, в «Тотем и табу» З. Фрейд излагает миф об убийстве отца первобытной орды, его дальнейшем поедании братьями и возникновением чувства вины. В интерпретации Фрейда в качестве катализатора и мотива этого преступления выступает Эдипов комплекс. Дети, возжелав свою мать, в порыве ревности и гнева убивают своего отца. Место мертвого отца символически занимает тотемное животное, которое напоминает о совершенном грехе и несет в себе страх и раскаяние перед духами предков, отцов, праотцов. Таким образом, тотем становится символом нерушимой власти, единицей порядка и несет в себе, в соответствии с Эдиповым комплексом, ряд запретов, а именно: не убивать священное животное тотема и не иметь сексуальных отношений с женщиной, принадлежащей тотему. В соответствии с этой мыслью, убийство и память об убийстве приводят к власти закона, порядка

и появлению чувства вины. Запрет начинает играть роль символического оператора, приводящего в действие культуру, религию, искусство. Социальные контакты первобытнообщинного строя начинают расширяться. Постепенно уважение к старшим становится обычаем. Имя Отца через века обретает силу и статус, вследствие чего возникает патриархальное общество⁹. Эрих Фромм дополняет данную концепцию, обращая внимание на то, что помимо сексуального конфликта, присутствует конфликт между отцом и сыном, являющийся продуктом патриархального общества, где ребенок считался собственностью отца. И этот конфликт является стремлением индивида отстоять свою независимость и свободу.

Ученик Фрейда, Отто Ранк, в своем труде «Травма рождения» подходит к этой проблеме иначе. Он считал, что травма рождения является мощной психологической силой, лежащей в основе культуры. Ибо женщина способна повторять репродуктивный процесс в собственном теле и находить свое бессмертие в деторождении, тогда как для мужчины секс символизирует смертность, и поэтому его сила лежит в несексуальной созидательности¹⁰. Этим духовным устремлением можно объяснить возникновение патриархального общества и преемственность власти через сына.

Во всех этих концепциях можно выделить общее, связующее звено: природа женщины сложилась из ее биологического положения, обусловленного заботой о беспомощном малыше. Если рассматривать роль Матери в идеальном смысле, то можно говорить о безусловной любви, независимой ни от каких обязательств. Матриархальное общество – это принцип любви и мягкости, телесной жизни, физического существования, которое ведет к инфантилизации ребенка и мешает его полной зрелости. Мужчина же олицетворяет систему ограничений, жесткость, духовность, индивидуализм, рациональность. В каждом из примеров мы видим, как отцовство приносит освобождение духа, вознося его над физическим миром. Отцовство, в широком смысле слова, обеспечивает подъем и взросление человеческого существования.

⁷ Калина О.Г., Холмогорова А.Б. Роль отца в психическом развитии ребенка. М.: Форум, 2011.

⁸ Холодная В.Г. Отцовское наказание в воспитании мальчика-подростка у восточных славян в конце XIX – начале XX в. Мужской сборник. Вып. 2. М.: Лабиринт, 2004.

⁹ Фрейд З. Тотем и табу: сборник / Перевод с нем. М.: АСТ, 2012.

¹⁰ Гуревич П.С. Психоанализ. Т. 1. Фрейдизм и неофрейдизм: учебник для магистров. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2013.

Именно переход от материнства к отцовству является поворотным пунктом в истории. Конечно, помимо биологически неизменного факта, нельзя отрицать, что различие между полами так же обусловлено и социальными, культурными и историческими причинами.

В современном обществе образ авторитарного отца, что является «традиционной» моделью, сходит на нет, но весь парадокс заключается в том, что «отсутствующее отцовство» реализует и развивает те черты «традиционного отцовства», которые ранее не были осознаны. Это хорошо иллюстрирует Е.Б. Хитрук в своей статье, сопоставляя модель «традиционного» и «отсутствующего» отца. Западная дуалистическая философия утвердила эталон маскулинности: трансцендентность, духовность, разумность. Традиционное отцовство предполагает реализацию следующих качеств: обеспечение и защиту в семье, через реализацию во внесемейном пространстве, физическое отсутствие в жизни ребенка, по крайней мере, в младенческом возрасте; отсутствие чувственных проявлений в отношении детей, отстраненность от их переживаний, отсутствие эмоционального контакта; отсутствие телесного контакта, символическое присутствие в их жизни. Отсутствующее отцовство предполагает: ориентированность на внесемейную сферу; полное отсутствие эмоционального контакта с детьми, отчужденность, отсутствие телесного контакта или же физическое отсутствие в семье¹¹. Таким образом, видно, как одна модель сменила другую через существующую между ними связь.

В этой главе мы рассмотрели культурно-историческое формирование фигуры отца. Ссылаясь на эти данные, мы сможем глубже понять значение и влияние фигуры отца на развитие ребенка.

Устойчивые аспекты значения фигуры и образа отца в психическом развитии ребенка

Многие теории начинают рассматривать влияние отцовской фигуры лишь со стадии Эдипова треугольника, считая, что для младенца в начале жизни существует только его мать, которая заботится о нем, удовлетворяя все его потребности. И только спустя какое-то время в жизни мальчика появляется отец. В этих концепциях разрешение

триады мать-отец-сын является определяющей развитие неврозов. Эдипов треугольник, без сомнения, прошел испытание временем и был дополнен многими психоаналитиками (Юнг, Адлер, Фромм, Хорни и др.) Но Отто Ранк показал, что травма рождения становится первым источником, определяющим судьбу ребенка. Конечно, в то время эта концепция не была принята к рассмотрению. Позже, с развитием трансперсональной психологии, к этой идее вернулся Станислав Гроф, разработав модель базовых перинатальных матриц. Основная идея заключается в том, что психика человека формируется не только на биографическом этапе, но и в перинатальный (добιοграфический) период, соответствующий стадии эмбриона и процессу родов¹². Другими словами, ребенок, находясь в утробе матери, уже получает опыт окружающего мира. Если взглянуть на это с точки зрения биологии, то не бывает более близкой связи. Ребенок – часть матери, он является продолжением ее самой, он состоит из ее плоти и крови. Очевидно, что вредное физическое воздействие (алкоголь, никотин, окружающая среда и др.) оказывает влияние не только на мать, но и на плод. Точно так же психологические переживания матери становятся переживаниями ребенка. На этой стадии негативизм (гнев, жадность, сварливость, раздражительность, агрессия и др.) может иметь не самые приятные последствия для будущего рождения ребенка. Более того, если будущее дитя ощущает свою ненужность этому миру, то это может выразиться в биологическом протесте: родовые сложности, выкидыш... Конечно, мать играет огромную роль на этой стадии, ведь для ребенка она является всем миром, ей необходима зрелость, самообладание, а так же физические и психические условия для благоприятного протекания всего родового процесса. И уже здесь отец является не менее важной фигурой, чем это считалось раньше. Ведь – семья это мир, в котором созревает новое существо. Семья – это гармония мужского и женского, это умение преодолевать жизненные преграды вместе, это союз двух личностей. Заботясь о матери своего ребенка, проявляя внимание и нежность, закладывается психическое здоровье ребенка. Именно через мать в перинатальном периоде ребенок получает любовь отца.

¹¹ См.: http://journals.tsu.ru/vestnik/&journal_page=archive&id=881&article_id=1127.

¹² Гроф С. Путешествие в поисках себя. М.: АСТ, 2008.

После рождения эта связь (мать-дитя) навсегда остается с человеком, т.е. этот инстинкт, который тянет ребенка к матери, биологически обусловлен бессознательным желанием вернуться к райскому состоянию. В первую очередь, такая связь необходима с биологической точки зрения, т.к. мать является источником пищи, без этого невозможна жизнь. Но ребенку недостаточно одной физической пищи, он также испытывает духовный голод, потребность в любви, ощущение своей нужности. Ведь если мать не хочет кормить, спешит поскорее отнять грудь, то ребенок это чувствует, ему кажется, что он нежеланный. Дитя чувствует любовь, когда матери нравится кормить его грудью, а т.к. мать для него в первый год жизни – весь мир, то с этим теплом он ощущает свою ценность для всего мира. Мать удовлетворяет все потребности младенца, но должен появиться Третий, дополняющий «диадму мать-ребенок», кто поможет ему открыть для себя отношения, существующие за пределами первоначального слияния, симбиоза. И при отсутствии такого человека, могут возникнуть трудности в протекании сепарации, которые могут привести к сложностям в формировании идентичности¹³.

Но возникает правомерный вопрос: «Каким образом Третий появляется в жизни ребенка?» Если исходить из концепции, что каждый человек несет в себе бессознательную память всех поколений, то можно говорить о врожденном присутствии архетипов отца и матери в психике ребенка, что постулирует Юнг в своих работах¹⁴. Но есть и другая версия, считающая, что именно мать открывает ребенку Третьего посредством репрезентации. Т.е. отсутствие отца можно компенсировать символически, образно. Эта идея так же несет в себе и негативный момент. Она заключается в следующем: помимо сознательных установок, мать может нести и бессознательные, негативные установки, что не может не отразиться на психике ребенка. Тем не менее, такая практика имеет место быть. Джинетт Парис в своем труде¹⁵ отталкивается от

идеи, что архетипические роли необязательно должны соответствовать биологическим, самое главное, это баланс архетипов – мужского и женского. Она приводит пример, где мама выполняет функции отца, а бабушка функции матери. Тем не менее, существует мнение, что детям, тяжелее справляться с агрессивными чувствами, когда рядом нет отца-мужчины. Как отмечал З. Фрейд, для достижения мужской идентичности мальчик должен перейти от идентификации с матерью и идентифицироваться с отцом. Практика показывает, что гиперфеминность или же гипермаскулинность отца негативно сказываются на психическом развитии ребенка. Все же для успешного развития, отцу необходимо ориентироваться на требования конкретной ситуации. Порой проявить заботу и нежность матери, но иногда твердость и строгость отца. Восток давно выявил эту закономерность: недостаток Ян разрушает влияние Инь, а нехватка Инь лишает влияния Ян. Именно умение различать ситуации, когда требуется влияние одного из архетипов, является очень важным. Более того, оно применимо и не только к отдельным личностям, но и семьям, организациями, народам.

Но так ли важна роль отца в жизни мальчика? Или же достаточно простого присутствия мужчины? Здесь играет роль связь родителей, включающая в себя глубокие любовные и сексуальные отношения. Т.е. отец для ребенка выступает в роли мужа матери. Здесь подразумевается идеальный союз, а не фиктивный, потому что дитя бессознательно улавливает фальшь в отношениях родителей. Д. Винникот указывает на важность такой связи¹⁶. Именно сохранение этой цельности, способной выдержать агрессивные желания ребенка, помогает нормальному развитию идентичности.

Ж. Лакан, описывая три стадии развития Эдипова комплекса, так же обращает внимание на этот аспект¹⁷. На первой стадии отец воспринимается братом, соревнующимся за диадические отношения с матерью. На второй он появляется как всемогущая фигура, способствующая ослаблению воображаемой связи между матерью и ребенком. Сын осознает, что он не единственный объект материнского желания. На третьей стадии отец

¹³ Калина О.Г., Холмогорова А.Б. Роль отца в психическом развитии ребенка. М.: Форум, 2011.

¹⁴ Гуревич П.С. Психоанализ. Т. 1. Фрейдизм и неопрейдизм: учебник для магистров. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2013.

¹⁵ Парис Джинетт. Мудрость психики. Глубинная психология в век нейронаук. М.: Когито-центр, 2012.

¹⁶ Винникот Д.В. Игра в реальность. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2002.

¹⁷ Лакан Ж. Образования бессознательного. Семинары. Книга 5. М.: Логос: Гнозис, 2002.

способствует позитивной идентификации с самим собой. Мальчик отказывается от желания быть отцом, вместо этого он желает быть как отец. Как писал Фрейд: «ребенку нужно быть «побежденным реальностью».

Остается еще один немаловажный вопрос. Насколько важно для ребенка кровное родство со своим отцом? Предполагается, что это имеет важное значение, т.к. создает у ребенка представление о себе как потомке двух родов. Ф. Дольто по этому поводу пишет, что если матери «присваивают» себе своих детей, то они лишают их части родословной, делая из ребенка «символического паралитика», у которого отнята половина тела. Это знание о своем родном отце, помогает формированию того аспекта идентичности, который связан с представлением о себе как о наследнике и продолжателе фамилии. Отчим не может передать отцовскую родословную¹⁸. Ребенок имеет право знать, кто его отец, иначе идентичность может быть не полной, что отразится на эмоциональном благополучии. Как показывает клиническая практика: «лучше горькая правда, чем правдивая ложь».

Как мы видим, для гармоничного развития психики мальчика важен не только внутренний образ отца, но также и реальные отношения с ним. Его фигура претерпевает постоянные социальные изменения, тем не менее, мы можем выделить устойчивые и неизменные аспекты его значимости. Это объект любви и идентификации, утешитель и защитник. Могущественное и богоподобное существо. Это человек, помогающий обрести зрелость, разрывая симбиотические связи между матерью и сыном. Тот, кто помогает открыть представление о семейной иерархии и понимание себя, что он является потомком двух родов.

Влияние фигуры и образа отца на психологическое развитие сына.

В данной главе мы рассмотрим теоретический материал на примере клинической истории. Чтобы избежать недопонимания, хочу уточнить, что в своих размышлениях мы опираемся на идеальный образ отца и матери. Пациент – скромный, робкий, неуверенный в себе молодой человек 24 лет. Также, стоит отметить, что Константин (пациент) страдает заиканием. Основной запрос заключался

в преодолении себя, в приобретении внутреннего мужского стресса. Опустим вступительную часть его повествования и перейдем сразу к сути вопроса. Вот что он пишет:

«Относительно недавно общался с мамой на тему ее родов. Что-то я знал раньше, что-то было для меня открытием. Оказывается, еще до моего рождения отношения родителей были непростыми, поэтому на момент беременности я был нежеланным ребенком. Папа всячески отрицал отцовство, обвиняя маму в измене, подкрепляя это справками о том, что он, якобы, бесплоден.

Роды проходили не совсем гладко, плод не хотел выходить, поэтому врачам пришлось сломать мне ключицу. Мое появление на свет развеяло миф о маминой измене. Сказали, что свой, похож. Далее в моей памяти происходит почти двухлетний провал. Когда стал осознавать себя, не помню, но рассказать есть о чем. Со слов мамы кормить грудью она перестала меня в срок, как положено, но вот от соски я отвыкал долго и тяжело. Болеть, опять-таки со слов мамы, стал после того, как отправился в садик, был очень мнительным, практически до совершеннолетия. Думаю, что здесь свою роль сыграл тот факт, что бабушка по папиной линии была врачом, сильно переживала за здоровье внука, и поэтому я был частым гостем в кабинетах врачей. В том же возрасте появилась аллергия, бронхиальная астма и энурез, продолжавшийся до семнадцати лет и изредка дававший о себе знать уже в более позднем возрасте».

Рассмотрим перинатальный период. Уже здесь мы видим, как непростые взаимоотношения в семье, отражающиеся на психическом состоянии матери, сказываются на состоянии плода. Нет научных фактов, подтверждающих эту зависимость, но количество эмпирических исследований, как в данной истории, более чем достаточно, чтобы эта концепция имело право на существование. Само прохождение через родовой канал, связано с высоким эмоциональным, физическим стрессом и невероятной болью. Еще Фрейд обратил внимание на то, что это может быть прототипом и источником будущих тревог и беспокойства¹⁹. Поэтому, можно предположить, что теплые отношения меж-

¹⁸ Дольто Ф. На стороне ребенка. Екатеринбург: У-Фактория, 2003.

¹⁹ Гуревич П.С. Психоанализ. Т. 1. Фрейдизм и неофрейдизм: учебник для магистров. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2013.

ду родителями важны и в перинатальный период жизни ребенка.

Вернемся к истории:

«До школы мы жили в коммуналке. Мама работала, я оставался с няней, но из-за моих частых болезней ей пришлось оставить работу и забрать меня из сада. Часто слышал из ее уст, но без упрека, что ради меня она оставила карьеру, что вообще ее жизнь посвящена мне, что таким образом она проявляет свою любовь. Конечно же, это повлияло на мою незрелость, но об этом позже. В целом отношения с мамой были положительными. Она многое делала для меня, но часто излишне опекала и переживала. Часто предлагал свою помощь по дому, по готовке, но мои проявления самостоятельности пресекались словами: «подрастешь – успеешь»».

Из этого и предыдущего фрагмента истории мы можем предположить, что пациент является носителем оральной структуры характера. Более того, сам Константин часто жаловался на нехватку энергии, своей любви к уединению, бесконфликтности, ранимости и частой фантазии в сфере любовных переживаний. Здесь присутствуют многие черты орального характера. Чем это может быть обусловлено? Каким образом произошло формирование данной структуры? Этой проблеме посвящено много исследований, в результате чего сложилась немалое число концепций, но мы рассмотрим эту задачу в теме статьи. Здесь стоит отметить, что в данной семье мужчина не принимает особого участия в жизни матери ребенка. Как отмечал МакДуггал, такие матери не могут отказаться от симбиотических отношений с ребенком во многом потому, что их мужья не дают им возможности получать нарциссическое удовлетворение, восполнение которого возлагается на ребенка, что является для него трудной задачей и ведет к различным нарушениям в развитии.²⁰ Этот пример иллюстрирует, что образ традиционного главы семьи изжил себя и общество диктует новые требования, более того, оно в них нуждается. Помимо того, что отцу символически необходимо отлучить сына от матери и таким образом избавиться от сдавливающей силы гиперопеки, ему, в то же время, необходимо играть роль заботливого и любящего мужа, что не менее важно. Как было указано выше, для ребенка помимо важности

взаимоотношений с каждым из родителей, также важна связь между родителями, помогающая воспринимать себя по отношению к другим.

О своих взаимоотношениях с отцом пациент пишет следующее:

«Папа. Ох! Все детство мне его не хватало. Он тогда работал в какой-то нефтяной компании личным водителем крупного руководителя и часто бывал в командировках.

Помню, как стою с бабушкой возле стеклянного шкафа, он мне показывает фотографию со словами: «смотри, а это твой папа», а я смотрю на фото и не могу его узнать, но, тем не менее, меня переполняло чувство любви, тепла и гордости к нему. Часто в детстве подбегал к незнакомым мужчинам с восторженными криками: «папа, пойдём играть!» В Москве у меня был такой постоянный «папа». Как правило, он гулял со своей дочкой в нашем парке в то же время, что и мы с мамой. И как только я его видел, сразу бежал к нему сломя голову с криками: «дядя Саша, пойдём в футбол играть!» Он оставлял свою дочку копаться в песочнице, а сам со мной по несколько часов гонял мяч. Находясь в детском садике, всегда завидовал ребяташкам, которых забирала мама с папой или за которыми приходил отец. Ведь для мальчика это очень важно, хорошо помню, как некоторые ребята с гордостью рассказывали о своих отцах. И как-то меня пришла забирать мама с папиным другом, я бы даже сказал другом семьи. Недолго думая, всем в садике рассказал историю, что за мной пришли мама с папой. Как я себя тогда ощущал? Полноценно, хоть и понимал, что это все иллюзия, но хотелось искупаться в этом чувстве. Вот сейчас пишу все это и понимаю, что с отцовскими друзьями я всегда играл так, как никогда не играл со своим отцом, даже со многими из них я общался на ты. В общем, встречи с папой были для меня редкой и большой радостью.

Наступил момент, когда мы стали видеться чаще. Я проводил время с ним, его любовницей и ее дочкой. Помню, как папа забирал меня из садика с ней в мой день рождения. Тогда я не понимал, что это за тетенька, да и как-то все равно было. Ведь папа, мой папа, пришел за мной в мой день рождения! Радости не было предела. Мы ходили вместе в парк аттракционов, еще куда-то ездили. Папа завладел всем моим вниманием. Не знаю, что он мне сказал, но перед глазами встает следующая сцена: я собираюсь свой рюкзачок с игрушками, мама плачет, а я ее успокаиваю словами: «не плачь, хоть мы и будем жить

²⁰ МакДуггал Д. Тысячеликий эрос. СПб.: Восточно-Европейский институт психоанализа, 1999.

у тети С., но я буду приезжать к тебе на выходные». Не знаю, какая ситуация повлияла, но уже вскоре я был снова с мамой. Вообще у папы постоянно были какие-то романы, и их было очень много, но участия в них я уже не принимал. Дома он бывал периодами из-за командировок и любовных увлечений. Часто на мои предложения провести время вместе я получал ответ – посмотрим. Со временем я стал ненавидеть это слово, потому что оно всегда означало нет. Если папа пил, то пил метко. Обязательно с какой-нибудь шоу-программой. Пару раз его хорошо избивали. Лет шесть назад попал в институт Склифосовского в результате драки. Порой бил маму. Бывало, что я становился свидетелем этих сцен, однажды видел, как мама бросается на папу с ножом. В такие моменты мне становилось страшно и мерзко, хотелось исчезнуть, убежать из дома...я начинал громко плакать, чтобы привлечь их внимание и таким образом призвать к рассудку. Срабатывало. Потом папа сменил работу и стал сотрудником больницы. Т.к. у меня случались астматические приступы, то каждый год, а то и два раза в год, я проводил свое время там. Должен признаться, что там было очень даже неплохо, много приятных и теплых воспоминаний. Т.к. у меня не было возможности ездить в детские лагеря по причине моего энуреза, то больница эту потребность прекрасно компенсировала. До сих пор мне снятся теплые моменты, связанные с ней. Так вот, казалось бы, я там лежу, папа там работает, почему бы ему не проводить больше времени со мной? Нет, был он гостем редким. Часто меня критиковал, делал замечания, повышал голос, но никогда не бил. Один из немногих моментов, когда мне удалось заслужить его похвалу это защита диплома на отлично. Все. Таким образом, я стал от него отдаляться, и во мне росло чувство неприязни и ненависти к нему.

Когда мне было пять или шесть, мы получили вторую комнату. Квартира стала полностью нашей. Папа каким-то образом тоже получил себе квартиру. И стал реже оставаться у нас. Помню, как, приезжая к нам, он заходил ко мне в комнату, и мне становилось страшно, я очень боялся, что он снова будет меня за что-то ругать, либо за пыль на телевизоре, либо за бардак, либо еще за какую невинную детскую шалость... Хотелось, чтобы он поскорее уехал».

На первый взгляд, может показаться, что отношения с отцом у пациента в настоящее время несут только негативный характер, но как показал

Фрейд в своих работах – амбивалентные установки у мальчика по отношению к отцу глубоко укоренены в бессознательном, что мы увидим дальше. Любовь сменяется ненавистью и наоборот. Так же история иллюстрирует, насколько глубока внутренняя потребность мальчика в теплых мужских чувствах, в игровом общении. Это пример лишней раз доказывает, что традиционная модель отцовства никогда не была действенной. Дистанционность в проявлении нежных чувств по отношению к своему сыну всегда создают чувство внутренней невосполненности, которое он стремится удовлетворить, проводя время с другими мужчинами. Тем не менее, именно отцовской любви недостает сыну. Это не только социальные и материнские репрезентации, говорящие мальчику о том, что у него есть отец, но и более глубокая родовая связь со своим папой. Важность признания и принятия родного отца для сына имеет большое значение, формирующее как полоролевую идентичность, так и внутреннюю структурность психики, понимание своей индивидуальности. Из клинического материала мы видим, как авторитарный стиль воспитания, в котором любовь и заинтересованность в жизни сына, проявляются в виде постоянного порицания, критики порождает в нем чувство внутренней тревоги, напряжения и растущей ненависти. Такая амбивалентность и непредсказуемость отца не только влияет на трудность в развитии маскулинных черт, но, как показывают исследования, сказывается на психосоматическом состоянии сына²¹. Энурез и астма клиента, является тому иллюстрацией. И это не случайно, как писал Фрейд: «Отец для сына это могущественное и богоподобное существо». Страх перед отцом – это не страх перед матерью.

Опустим историю, включающую в себя школьный период жизни, лишь отметим, что мать Константина всячески оберегала его от трудностей жизни. Но как это сказало на дальнейшей жизни клиента?

«Студенческая пора, прекрасное было время. Здесь я, наконец, стал ощущать себя человеком (начал развиваться как духовно, интеллектуально, так и физически), мне очень нравился подход к образованию – ты ответственен за свои поступки. Хочешь

²¹ Калина О.Г., Холмогорова А.Б. Роль отца в психическом развитии ребенка. М.: Форум, 2011.

– посещай занятия, не хочешь – занимайся своими делами, сессия решит, кто прав, а кто виноват.

Из самых ярких воспоминаний хочу выделить несколько событий.

У меня произошел конфликт с одним из студентов на глазах нашей группы. Желая ответить на его язвительный укол, потерял самообладание и вместо остроумного ответа я стоял и заикался, чем он и воспользовался. Таким беззащитным, уязвленным и униженным я себя до этого момента никогда не ощущал. Но это принесло свои плоды. Желая отомстить своему обидчику, я записался в центр коррекции речи и в тренажерный зал.

Большая работа была проделана в центре. Часто приходилось сталкиваться со своим страхом лицом к лицу, многое было переосмыслено, но я не сказал бы, что это давалось тяжело. В центре была очень теплая атмосфера, было ощущение дома и защищенности.

А вот тренажерный зал стал моим домом. Единственное место, где я ощущал свою значимость и цельность. Были прекрасные отношения с тренером, его поддержка и вера в мои силы наполняли меня радостью и вдохновением. Сейчас я уже понимаю, что пытался от него получить то, что не получил от отца, что увеличивало мою привязанность к этому спорту и человеку. Увлечение тяжелой атлетикой стремительно перерастало из любительского в профессиональное. Я начал работать администратором, помощником тренера. Благодаря залу обрел некий авторитет у себя на районе. Если куда-то шел, то везде встречал знакомые и радостные лица. Со мной всегда советовались по поводу питания и тренировок. В общем, ощущал свою значимость. Но в какой-то момент пришло понимание того, что физически крепкого тела недостаточно, чтобы чувствовать себя мужчиной, внутренняя робость и неуверенность только усилились. Хоть мне и было очень комфортно в зале, но вот товарищеское общение с мужчинами, которые были старше или успешнее меня, не складывались. Да и что делать со своей обретенной силой я не знал. Размышляя, пришел к выводу, что настоящий мужчина должен уметь постоять за себя, а так как я никогда не дрался, хотя в детстве просил отца, чтобы он меня этому научил, было принято решение научиться махать кулаками. К своей радости я нашел школу уличной самообороны, где обучают не только искусству боя, но совершается и психологическая работа. Стоит признать, что свои силы

я недооценил. Было очень тяжело психологически заставлять себя идти на тренировку, потому что практически каждый раз она была непредсказуемой. Было очень много спаррингов, на одном из которых мне сломали нос, но я твердо хотел обрести мужской стержень, доказать отцу, что могу обойтись без его помощи и советов. Поэтому продолжал ходить. Каждые 3 месяца у нас проходили выпускные бои, задачей которых было дотянуть до конца, не испугаться. Хватило меня на полгода. Страх, тем временем, почему-то только усиливался. В общем, я вернулся обратно в зал, и мы с тренером стали подыскивать мне образовательные курсы. Но моим планам не суждено было сбыться, получив спортивную травму, я оставил этот спорт.

Мои отношения с ним из года в год только ухудшались. Наши взгляды на мир кардинально отличались. Все мои увлечения он называл пустой тратой времени, и вместо того, чтобы поддержать, всегда находил повод для критики, чтобы продемонстрировать свою авторитетность. Постоянно лез в мою личную жизнь и высказывал свое мнение по этому поводу, точнее навязывал. Иногда мне казалось, что меня зовут не Константин, а «Дурак», и что в жизни я действительно ничего не добьюсь. Порой он высказывал мудрые мысли, но они были крайне редки, а еще крайне редко они были к месту. С каждым годом папа хотел быть ближе ко мне, но как это сделать, он не знал и порой насильственно настаивал на своем. Из-за его нежелания меня понять и навязывания мне своей воли я стал еще сильнее от него отдаляться.

Что иллюстрирует нам эта история? Без сомнения видно, как недостаток отцовского внимания сказался на внутренней неуверенности нашего клиента. Но интересно другое. Чем было мотивированно внутреннее желание Константина дополнить недостающие структуры психики? Это не только желание получить признание отца и одержать над ним победу. Это внутренние репрезентации образа мужчины, сформировавшиеся под действием различных факторов (представления матери, социум, личные убеждения). Т.е. влияние на мальчика оказывает не только реальный отец, но и внутренний образ. В завершении можно сказать следующее: «Драматичность этой истории заключается в том, что отец и сын не могут выразить друг другу всех своих амбивалентных чувств, что приводит все к большему отчуждению и разрыву. А ведь если бы отец принял увлечения

своего сына, то, возможно, и пропала бы робость и застенчивость, с которой никак не может справиться наш клиент. Более того, вполне возможно, что история сложилась бы совсем иначе и не было бы того инцидента с прилюдным унижением, не было бы проективных чувств недостающей любви на других мужчин».

Заключение

В отличие от матери, роль отца в современном обществе значительно сложнее, потому что ожидания ребенка в его адрес более противоречивы. В семье необходимо выполнять функцию любящего и заботливого защитника. В обществе необходимо уважать закон силы. Мужчине постоянно приходится колебаться между законом любви и законом силы. Модель традиционного отцовства сходит на нет, а новая не принимается из-за сложности бессознательных процессов.

Более того, мы видим, как внутренний образ отца и матери (архетип) оказывают влияние не только на семейные взаимоотношения, но так же и на все общество в целом. Чисто матриархальное общество мешает полному развитию индивида, замедляя технический, рациональный и культур-

ный прогресс. Чисто патриархальное общество совершенно не заботится о любви и равенстве. Но, к сожалению, никто никогда не сможет абсолютно точно исполнить архетипическую роль Отца или Матери. Ведь будучи архетипическими, это роли по сути нечеловеческие, несущие в себе миллионы лет эволюции всех млекопитающих. Родители могут дать столько мудрости архетипов своим детям, сколько сами способны усвоить, что, к сожалению, приводит к частым разочарованиям детских ожиданий.

Как показывает история, общество неосознанно стремится к равновесию матриархальных и патриархальных принципов. Римское право, стремящееся избавиться от материнской гиперопеки, феминистская революция, выступающая против бессилия материнского авторитета. Сегодня мы являемся свидетелями борьбы с патриархальными принципами, предлагающей вернуться к матриархальным идеям. Эта социальная нестабильность характеризуется поиском оптимального приспособления системы. Ведь только в единстве Инь и Ян материнская любовь приобретает рациональность, а отцовская любовь милосердие и равноправие.

Список литературы:

- Винниконт Д.В. Игра в реальность. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2002.
- Гроф С. Путешествие в поисках себя. М.: АСТ, 2008.
- Гуревич П.С. Психоанализ. Т. 1. Фрейдизм и неопрейдизм: учебник для магистров 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2013.
- Гуревич П.С. Психоанализ. Т. 2. Современная глубинная психология: учебник для магистров. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2013.
- Джорджи Стелла. Антология. История женщин на Западе. В 5-и тт. Том 1. От древних богинь до христианских святых. СПб.: Алетейя, 2005.
- Дольто Ф. На стороне ребенка. Е.: У-Фактория, 2003.
- Калина О.Г., Холмогорова А.Б. Роль отца в психическом развитии ребенка. М.: Форум, 2011.
- Кочубей Б.И. Мужчина и ребенок. М.: Знание, 1990.
- Лакан Ж. Образования бессознательного. Семинары. Книга 5. М.: Логос: Гнозис, 2002.
- МакДуггал Д. Тысячеликий эрос. СПб.: Восточно-Европейский институт психоанализа, 1999.
- Парис Джинетт. Мудрость психики. Глубинная психология в век нейронаук. М.: Когито-центр, 2012.
- Фрейд З. Тотем и табу: сборник / Перевод с немецкого. М.: АСТ, 2012.
- Фромм Э. Кризис психоанализа. Дзен-буддизм и психоанализ / Под ред. П.С. Гуревича. М.: Айрис-пресс, 2004.
- Холодная В.Г. Отцовское наказание в воспитании мальчика-подростка у восточных славян в конце XIX – начале XX в. Мужской сборник. Вып. 2. М.: Лабиринт, 2004.

References (transliteration):

1. Vinnikont D.V. Igra v real'nost'. M.: Institut obshchegumanitarnykh issledovaniy, 2002.
2. Grof S. Puteshestvie v poiskakh sebya. M.: AST, 2008.
3. Gurevich P.S. Psikhoanaliz. T. 1. Freidizm i neofreidizm: uchebnik dlya magistrrov. 2-e izd., pererab. i dop. M.: Yurait, 2013.
4. Gurevich P.S. Psikhoanaliz. T. 2. Sovremennaya glubinnaya psikhologiya: uchebnik dlya magistrrov. 2-e izd., pererab. i dop. M.: Yurait, 2013.
5. Dzhorgudi Stella. Antologiya. Istoriya zhenshchin na Zapade. V 5-i tt. Tom 1. Ot drevnikh bogin' do khristianskikh svyatykh. SPb.: Aleteiya, 2005.
6. Dol'to F. Na storone rebenka. Ekaterinburg: U-Faktoriya, 2003.
7. Kalina O.G., Kholmogorova A.B. Rol' ottsa v psikhicheskom razvitii rebenka. M.: Forum, 2011.
8. Kochubei B.I. Muzhchina i rebenok. M.: Znanie, 1990.
9. Lakan Zh. Obrazovaniya bessoznatel'nogo. Seminary. Kniga 5. M.: Logos: Gnozis, 2002.
10. MakDuggal D. Tsyachelikii eros. P.: Vostochno-Evropeiskii institut psikhoanaliza, 1999.
11. Paris Dzhinett. Mudrost' psikhiki. Glubinnaya psikhologiya v vek neironauk. M.: Kogito-tsentr, 2012.
12. Freid Z. Totem i tabu: sbornik / Perevod s nemetskogo. M.: AST, 2012.
13. Fromm E. Krizis psikhoanaliza. Dzen-buddizm i psikhoanaliz / Pod red. P.S. Gurevicha. M.: Airis-press, 2004.
14. Kholodnaya V.G. Ottsovskoe nakazanie v vospitanii mal'chika-podrostka u vostochnykh slavyan v kontse XIX – nachale XX v. Muzhskoi sbornik. Vyp. 2. M.: Labirint, 2004.